
КОГНИТИВНА ЛІНГВІСТИКА

УДК 811.111:81'37:159.955

**ФРАКТАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ЯЗЫКА ЭМОЦИЙ:
ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**
Ю.Ю. Шамаева, канд. филол. наук (Харьков)

Данная статья посвящена изучению особенностей фрактальности семиотики языка эмоций как системы вербально репрезентированных эмоциональных концептов и категорий. В результате рассмотрения коммуникации эмоциональных смыслов как естественной рекурсивной коллизии между их фрактальным становлением и линейным бытием познающих систем выделяются два основных типа концептов эмоций – операционально замкнутые и ситуативно-динамические – в зависимости от целей, объекта и результатов концептуализации эмоций как когнитивного процесса.

Ключевые слова: концепт, семиотика, фрактал, эмоция, язык эмоций.

Шамаєва Ю.Ю. Фрактальна семіотика мови емоцій: лінгвокогнітивний вимір. Стаття присвячена вивченню особливостей фрактальності семіотики мови емоцій як системи вербально репрезентованих емоційних концептів та категорій. В результаті розгляду комунікації емоційних смислів як природної рекурсивної колізії між їхнім фрактальним становленням та лінійним буттям систем, що пізнають, виділяються два основних типи концептів емоцій – операційно-замкнені та ситуативно-динамічні – у залежності від цілей, об'єкту та результатів концептуалізації емоцій як когнітивного процесу.

Ключові слова: емоція, концепт, мова емоцій, семіотика, фрактал.

Shamayeva Yu.Yu. Fractal semiotics of the language of emotions: a linguo-cognitive dimension. The article focuses on researching the peculiarities of the fractal semiotics of the language of emotions as a system of verbally represented emotional concepts and categories. As a result of studying the communication of emotional senses as a natural recursive collision between their fractal evolution and the linear existence of perceiving systems there have been revealed two major types of emotional concepts – operationally closed loop and situationally dynamic ones – according to the aims, the object and the results of conceptualizing emotions as a cognitive process.

Key words: concept, emotion, fractal, language of emotions, semiotics.

Целью данной статьи является выявление специфики фрактальности семиотики языка эмоций как системы оязыковленных концептов и категорий эмоций. Достижение данной цели предполагает выполнение следующих задач: обоснование статуса языка эмоций как семиодинамической системы с выявлением функциональных особенностей её фракталов как способов рекурсивной организации вербальных знаков-репрезентантов концептов и категорий эмоций, формирующих этап эволюции семиозиса эмоций как экспериенцера, так и потенциального реципиента коммуни-

цируемой эмоции; в гносеологическом плане эксплицировать обусловленное фрактальностью эмоционального семиозиса различение операционально-замкнутых и ситуативно-динамических эмоциональных концептов как результатов познавательного процесса концептуализации эмоций.

Объект исследования составляет язык эмоций как совокупность вербально объективированных концептов эмоций (каждый из которых является амальгамированным эмоционально-чувственным событийным (ЭЧСК) [25, с. 110], поскольку ментально репрезентирует “сеть взаимосвязанных

мыслей, воспоминаний, чувств и экспрессивно-моторных когнитивно обусловленных реакций” [23, с. 44], фиксируя результаты импресии, ретенции, актуализации и протенции [1, с. 31]), и образованных на их основе категорий. Предмет работы – психосемиотическое своеобразие языка эмоций как семиотического пространства, компоненты которого ориентированы на обслуживание сферы коммуникации эмоций, интерпретированных той или иной лингвокультурой, обуславливающее целсообразность его рассмотрения с точки зрения концепции фрактала, а также обусловленные им структурно-содержательные отличия ЭЧСК как его интегративных составляющих.

Важнейшая роль эмоций в поведении человека обусловила большое непреходящее внимание научного сообщества к центральной проблеме “эмоции и мозг”, что достаточно ярко иллюстрируется тем, что за последние 5 лет опубликовано более 850 только обзоров и мета-анализов по этой проблеме (по данным поисковой системы PubMed (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/entrez/query.fcgi?db=PubMed>)), а общее количество научных публикаций на эту тему превысило 6000. Эти цифры отражают как актуальность и многоаспектность проблемы, лингвокогнитивному изучению которой посвящена наша работа, так и широкий спектр существующих теоретико-методологических установок исследований и интерпретаций получаемых результатов. В настоящее время проблема изучения эмоций – самого решающего психологического фактора биологического и социологизированного индивида [19; 28; 30], основы эмоционально-интеллектуального продуктивного [20], энергетически комфортного [2] существования человека, способов их концептуализации и оязыкования является междисциплинарным исследовательским мейнстрим-фокусом как ряда парадигм современной антропоцентрической лингвистики: когнитивно-дискурсивной, коммуникативной, эмотиологической, лингвокультурологической, психолингвистической и пр., так и других наук, в частности, физиологии, психологии, философии, социологии, культурологи, политологии, ведь “в начале

было не Слово, в начале была Эмоция, поскольку в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, еще не Homo loquens, но уже Homo sentiens” [27, с. 10].

Своевременность нашего исследования также обусловлена его семиотической направленностью, поскольку “общая семиотическая теория единого информационного мира еще даже не начала создаваться” [22, с. 6], а представляющая сегодня в теории и практике коммуникации огромный интерес проблема кодирования как конвертирования одной сигнальной системы в другую с помощью внутреннего кода (“языка мысли”) или внешнего кода (существующего в вербальной и невербальной формах) так и не получила еще комплексное описание и последовательный анализ в современной коммуникативистике [13].

Основным средством познания эмоций представляется язык как “полифункциональная знаковая система, ... способная манифестировать любой участок человеческого опыта” [10, с. 178], включая эмоции. Обладая импонтным свойством эмоциональной дейктики, когнитивная функционально-семиотическая система репрезентации опытных знаний эмоций и об эмоциях посредством языка обеспечивает осуществление процессов, направленных на получение и обработку, хранение и использование, организацию и накопление разномодальных структур знания, включая эмоциональные. При этом сам “язык принадлежит телесному и эмоциональному коду культуры, благодаря олицетворению включаясь в антропоморфную метафору, уподобляющую его человеку” [14, с. 251].

Понимая эмоции как “отражения в мозге субъекта его оценочных отношений к значимым для него объектам”, с необходимостью включающие в себя “психическое отражение объекта эмоций (когнитивный компонент) и психическое состояние субъекта-носителя эмоций” [7, с. 48–49], представляется, что в функционировании второго компонента (“психомосатического” по терминологии Л.М. Веккера) важнейшую роль играет иерархическая система потребностей субъекта. В функционировании когнитивного компонента столь же

важную роль играет оценка (appraisal) объекта эмоций как способствующего или препятствующего удовлетворению потребностей субъекта, желаемого или избегаемого (appraisal – withdrawal), способствуя формированию когнитивной компетенции как “способности (членов) социума различать ценностные понятия, лежащие в основе его бытия (базовые концепты/константы), а также способность свободно оперировать ими в процессе коммуникации” [16, с. 65]. Все это находит свое воплощение в языке эмоций, связанном с действительностью “открытой лимбической системы эмоциональных центров как межличностной когнитивно-лимбической регуляции” [5, с. 22] через знаковую соотнесенность, “не отражая её, а отображая знаковым способом как семиотический инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира (эмоций) человеком по своему подобию” [17, с. 6].

В культуре многих народов можно встретить идею самоподобия – повторяющуюся на разных уровнях смысловую или визуальную структуру некоторого образа (литературного, орнаментального, архитектурного, фольклорного с бесконечно повторяющимися элементами (например, “У попа была собака...”), текстового с наращиваниями (“Дом, который построил Джек”) и т.п. Недавно некоторые аспекты этой идеи самоподобия получили точное математическое выражение в понятии фрактала (от лат. *fractus* – дробленный), сегодня известного не только математикам и программистам, но и картографам, профессиональным фотографам, музыкантам, лингвистам. Термин “фрактал” использовался еще геометрами XIX века, согласно которым самоподобие фракталов означает, что, взяв одну часть изображения фрактала, можно в ней обнаружить ту же самую структуру, что и в основном изображении, но официально в метаязык науки термин был введен американским математиком Бенуа Мандельбротом в 1975 году, а после выхода в 1977 году его книги “Фрактальная геометрия природы” стал широко известен еще и в контексте теорий безмасштабных сетей и “тесного мира” в искусстве и литературе [8].

Сама природа семиотического феномена языка эмоций как языка “генетических программ поведения, обладающих энергетическими свойствами – способностью воспроизведения, трансформации, динамикой, интенсивностью, побуждающим влиянием” [2, с. 35] обуславливает целесообразность его изучения в русле именно фрактальной парадигмы в семиотике, основоположником которой является Ю.С. Степанов, в своей работе “Язык и метод” одним из первых обративший внимание на возможность осмысления семиотики и языка с точки зрения представлений концепции фрактала [21] и эволюционных рядов [21; 22]. Фрактал как первоструктура коммуникации (Я.И. Свирский, Ж. Делез, Ф. Варела) представляется эффективной схемой, которая позволяет очертить пока предварительный контур понимания динамической рекурсии взаимосопряжения эмоциональной, когнитивной и языковой трансформации организма и среды в языке эмоций как системе концептов и категорий эмоций, репрезентированных вербальными знаками. Фрактал сложно локализовать единым, логичным образом, и в этом его сходство с творениями природы [26], но с его помощью можно лучше понимать мир, формируя фрактальную перцепцию, фрактальную настройку на определенное считывание семиотически неоднородного мира эмоций, конденсирующего информацию и имеющего память [15].

Эмоции и эмоциональные состояния как объект означивания складываются из нескольких основных компонент: совокупное значение текущих потребностей, соотношение необходимого и возможного, мотивация при принятии поведенческого решения и, в результате, строящаяся в мозгу человека эмоционально-информационная реактивная модель, содержащая семантическую информацию о проблемной среде, где решается задача удержания регулируемых переменных – “первичных психо-физиологических потребностей экспериенцера внутри области допустимых значений с добавлением вторичных потребностей, определяемых общественным способом существования и развитыми социальными отношениями лингвокультуры”

[26, с. 131]. Вследствие этого порождаемый экспериенцером и/либо воспринимаемый адресатом язык эмоций (коммуникативные ситуации, поля вербализации) с присущей ему семиотикой сам становится фрагментом внешней среды, в которой сохраняется идентичность и адаптация языковой личности *Homo sapiens*.

В этой связи можно говорить об интересности эмоционального лингвокогнитивного восприятия по аналогии с интересностью познания, ведь “наряду с высшими метакогнитивными механизмами “Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...” существуют более примитивные/базовые виды взаимной настройки имитационного типа. Они могут опираться на врожденные механизмы, часть из которых известна как фрактальная система “зеркальных эмоционейронов” [4, с. 348]. Таким образом, в контексте нашего исследования вербальный знак как репрезентант концепта или категории эмоции как “функциональной единицы лингвокультурного сознания, особым образом закодированной структуры репрезентации (эмоциональных) знаний в языке, имеющей определенное содержание и использующейся для кумуляции и трансмиссии (эмоциональной) информации” [18, с. 44] оказывается показателем выживания индивида в виде постоянно переопределяемой границы организма и среды, что и представляется одной из специфических черт фрактальной семиотики языка эмоций. Исходя из положения о том, что “знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт” (цит. А.В. Кравченко по Е.И. Шейгал [29, с. 97]), знак-вербализатор эмоции порождается когницией познающего организма экспериенцера, становится частью внешней среды и начинает использоваться этим же организмом в “бесконечно закольцованном процес се обмена” (термин Ю.С. Степанова), будучи показателем самовоспроизводства собственных границ.

Еще одна особенность языка эмоций с точки зрения его фрактальной семиотики предопределяется тем, что оязыковленные концепты и/или категории эмоций оказываются включенными как минимум в две семиотические системы: систему

естественного языка и в систему психо-эмоционального кода, в которой они приобретают особые смыслы, связанные с языковыми, но значительно отличающиеся от них. При этом “означающее первой системы зачастую становится означаемым во второй” [6, с. 36]. Иначе говоря, эмоционально-когнитивная система экспериенцера работает одновременно с разными стимулами, разными системами отсчета, воздействующими параллельно и непрерывно.

По Луману окружающий мир приобретает влияние на систему в результате преобразования её аналоговых отношений в дигитально-знаковые (дискретно-вербализованные в нашем понимании). В этой связи возникает еще одна особенность фрактальности знаков языка эмоций как результатов преобразования аналоговых отношений в лингвокогнитивные, которые осуществляет система через свои внутренние операционально замкнутые структурные сопряжения с другими системами [31]. Если совмещать эти представления с образами фрактальной машины и семиотических рядов, то коммуникация эмоций становится рекурсивным связыванием состояния наблюдателя с вербальными знаками и концептами эмоций в единое целое. При этом фракталы семиотики языка эмоций возникают в постоянных разрывах целостности операциональных замкнутостей на так называемых микроуровнях экспериенцеров и адресатов, а эволюция как макропроцесс – в обязательной коррекции этих разрывов. Так эксплицируется еще одно измерение своеобразия фрактальности семиотики языка эмоций – совмещение дискретности на микроуровне с необратимыми эволюционными тенденциями, составляющими внутренний, самоорганизующийся процесс в сложной системе эмоции, когниции и языка.

Уникальность фрактальной семиотики языка эмоций также становится яснее при обращении к концепции референции как способности организма обозначить мир и себя знаками, необходимыми, но недостаточными компонентами которой являются процессы узнавания и понимания, происходящие с субъектом-наблюдателем [24]. С этой

точки зрения референция может быть как внешней (ино-референция), так и внутренней (самореференция) [12]. Ино-референция – это производство знаков в процессе познания мира, считаемого наблюдателем/экспериментером внешним. Самореференция – это производство знаков в процессе познания мира, считаемого наблюдателем/экспериментером внутренним, включая узнавание и понимание себя (собственной идентичности, структуры, статусности, аффектов). Интерпретируя процессы самовоспроизводства границ – себя и мира – семиотически, можно прийти к выводу о том, что наблюдатель/экспериментер судит о внешнем исключительно по дифференциации между самореференциями и инореференциями, связанными с изменениями и гармонизацией своего собственного психо-эмоционального и физиологического состояния. Иными словами, языковая личность непрерывно и рекурсивно функционирует семиотически, циклично именуя или символизируя внешнее и внутреннее.

Отсюда и возникает понимание знака языка эмоции как, с одной стороны, активатора внутреннего согласования состояния познающей системы, реализующей определенный тип отношений, а с другой – как фиксатора определенного состояния структурно-содержательной сопряженности системы с другой системой. Следовательно, генетическая специфика фрактальности рассматриваемого вида знаков заключается не в их внешней либо внутренней референции, а в их направленности на переопределение границ внешнего и внутреннего, рекурсивно осуществляемое экспериментером в актах референции. Отсюда, фрактальный взгляд на семиозис эмоционального опыта и коммуникацию эмоций предполагает, что коммуникация эмоций как языковая репрезентация соответствующих ЭЧСК и образуемых на их основе категорий является естественным рекурсивным процессом, своего рода семиодинамической коллизией между фрактальным становлением эмоциональных смыслов и линейной онтологией лингвокогнитивных систем.

Репрезентация, вслед за Е.С. Кубряковой, трактуется нами и как процесс представления мира

в сознании, и как его результат – единица такого представления, стоящая вместо чего-то в реальном/вымышленном мире и замещающая это нечто в процессах мышления. Это “указывает на знаковый или символический характер репрезентации и связывает исследование репрезентации с семиотикой” [9, с. 57], заставляя предположить важность для данной единицы не только её содержания, но и способа её представления в психике индивида. В языке эмоций фрактальный подход к изучению рекурсивно организованных вербальных знаков-репрезентантов концептов и категорий эмоций позволяет ясно увидеть в их свойствах материальность и интерпретируемость, выводя на передний план как понятие “интерпретанты” (третьего члена семиотической диады “означающее – означаемое” по Ч. Пирсу), так и социального интерпретатора, т.е. человека, генерирующего новые эмоциональные знания/опыт.

С экспериментальной точки зрения, познание с необходимостью предполагает членение мира на конкретные объекты, выделение разнообразных характеристик, свойств и закономерностей, а также определение границ самого себя с осознанием своего собственного места и своей роли как субъекта и объекта познания в общем миропорядке. Концепты и являются теми единицами знания, в которых репрезентируются осмысленные результаты концептуализации как одного из познавательных процессов. При этом “языковые знаки участвуют в формировании концептов как структур знания, вызывая состояния нейронной активности – репрезентации взаимодействий с постоянно изменяющейся средой, с которой организм находится в постоянном структурном сцеплении” [11, с. 43], то есть фрактальный семиозис языка эмоций активно участвует в структурно-содержательной динамике экспериментера как живой системы [32]. В этом контексте ЭЧСК являются “единицами концептуального содержания, выделяемые человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает их определенный формат, а также структурную организацию в процессе хранения” [3, с. 24].

Концептуализация как фрактальный познавательный процесс преследует две основные цели, которые предопределяют два разных направления изучения её результатов и их разную ориентированность на особенности объекта исследования (эмоции, в нашем случае). Во-первых, это – накопление знаний о мире, его объектах, событиях, характеристиках, а также о самом экспериенцере за счет выявления новых концептуальных черт как дополнительных единиц знания. Во-вторых, это – выделение единиц нового/известного знания посредством языка для их дальнейшей коммуникации адресату в процессе вербального общения. В первом случае в фокусе исследования оказывается совокупность разноуровневых языковых единиц, передающих сходное концептуальное содержание эмоций либо репрезентирующих разные характеристики одного и того же ЭЧСК как элемента концептуальной системы экспериенцера как социума, углубляя общие знания о мире в памяти каждого конкретного индивида. Во втором случае объектом исследования являются отдельные языковые знаки/единицы, репрезентирующие тот или иной ЭЧСК в конкретном измерении его содержания как определенный эмоциональный смысл (единица индивидуального знания). Это обуславливает разную природу ЭЧСК, их разные структуру и содержание, что непосредственно связано с их коллективным либо индивидуальным статусом, то есть с фрактальностью их внешней либо внутренней референций.

Рассуждая таким образом, представляется, что концептуализация эмоций как познавательный процесс, осуществляемый средствами фрактальной семиотики языка эмоций в зависимости от его целей, объекта и результатов может в гносеологическом плане пониматься в статике и динамике [3; 9; 11; 17]. Статический аспект концептуализации эмоций в смысле стабильности самих концептов эмоций подразумевает выявление знаков-единиц знания как базовых элементов концептуальной системы во всей полноте их содержания, формируемого под влиянием многих факторов, включая исторический, социальный, образовательный,

национальный и т.д. По сути, концепты такого рода, которые мы называем операционально-замкнутыми (подобно “тематическим концептам” в терминологии Н.Н. Болдырева) являются результатом количественной и качественной аккумуляции знаний и опыта эмоций в процессе множества концептуализаций эмоций – всей эмоционально-когнитивной деятельности человека как социума. Именно относительно таких единиц допустимо говорить о различных уровнях/слоях концептуального содержания как различном объеме знания [3; 13; 22; 32]. Операционально-замкнутые ЭЧСК служат основой формирования категорий как концептуальных объединений объектов, предполагая фрактальное разнообразие семиотической репрезентации. При этом не совсем корректно делать выводы о лингвокогнитивных механизмах их формирования [3; 11; 24], потому что их содержание эволюционирует во времени в результате интерпретирующей деятельности Homo sentiens, а термин “механизм” преимущественно характеризует процессы репрезентации концептуального содержания и образования/коммуницирования конкретных эмоций либо эмоциональных смыслов. В то же время композиционность представляется важной для выявления структурно-содержательной специфики таких концептов, их межконцептуальных и деривационных отношений.

Динамический аспект концептуализации эмоций в смысле концептуальной интеракции коммуникантов связан с выделением и репрезентацией объектов, стимулов, событий и их специфических свойств как единиц эмоционального знания непосредственно в процессе общения с целью передачи знания/эмоций, обмена (эмоциональной) информацией или ориентации в мире [4; 7]. В этом случае результатом когниции становятся ЭЧСК как гештальтные “единицы оперативной онтологии мира, конкретные (эмоциональные) смыслы, которые формируются и передаются в процессе общения” [3, с. 27], в свете фрактальной семиотики определяемые нами как ситуативно-динамичные (подобно “операционным концептам” в терминологии Н.Н. Болдырева). Такие концепты являются ре-

зультатом действия разнообразных когнитивных (профилирование, (ре)перспективизация, сравнение, концептуальная метафора и метонимия и др.) и языковых (номинация, словообразование, языковая метафора и метонимия, синтаксические структуры и т.д.) механизмов обработки полученной или уже имеющейся эмоциональной информации. Соответственно, поскольку такие концепты передают различные способы конфигурирования накопленного опыта и оперирования этими когнитивными схемами, исследование этих концептов представляется целесообразным направить на выявление как их содержания, так и соответствующих когнитивных схем. При этом в современных работах психологов [4; 8; 23] динамичность понимается как способность и к образованию категорий, и к бесконечным репрезентациям.

Таким образом, специфика фрактальности семиотики языка эмоций как системы оязыковленных концептов и категорий эмоций заключается в процессуальной природе вербальных знаков эмоций, которые предстают, с одной стороны, как своеобразные фильтры биологической системы экспериенсера, а с другой – как результат распознавания организмом себя и внешнего окружения. С этой точки зрения результаты эмоционального семиозиса неотделимы от языковой личности как точки референции границ внешнего и внутреннего, при этом структура самореференций и инореференций может быть описана через базовые категории фрактальной концепции – обратную связь и масштабный переход. Отсюда – обусловленное фрактальностью семиотики языка эмоций различие операционально-замкнутых (единиц знания мира) и ситуативно-динамичных (единиц знания о мире) ЭЧСК как результатов познавательного процесса концептуализации эмоций. При этом концепты первого типа являются скорее теоретико-гносеологическими конструктами эмоционального сознания, полученными в результате вторичного осмысления опытного знания эмоций, и требующими в силу этого реконструкции их содержания. Другие – ситуативно-динамичные – представляются онтологически ориентированными, первичными едини-

цами концептуальной системы эмоций, принадлежащими обыденному сознанию, которые всегда контекстуально-ситуативно обусловлены и по этой причине могут изучаться как отдельные рекурсивные смыслы. Вышеизложенное обуславливает важность разработки адекватного теоретико-методологического инструментария выбора и исследования сущности единиц анализа ЭЧСК, объективированных средствами языка, как объекта фрактально-семиотического лингвокогнитивного исследования, что и составляет перспективу нашей дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаев Н.А. Психологическая теория значения в исследовании языка / Н.А. Алмаев // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. – М. : Ин-т психологии РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 28–45.
2. Бойко В.В. Психоэнергетика / В.В. Бойко. – СПб. : Питер, 2008. – 416 с.
3. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – Вып. IX. – С. 23–32.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 2 / Б.М. Величковский. – М. : Смысл: Изд. центр “Академия”, 2006. – 432 с.
5. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.; пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 301 с.
6. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
7. Данько С.Г. Состояния коры мозга человека при внутренней индукции эмоций / С.Г. Данько // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – Вып. 2. – С. 48–72.
8. Евин И.А. Искусство и синергетика / И.А. Евин. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
9. Заботкина В.И. Семиотические аспекты представления знаний в семантической структуре слова / В.И. Заботкина. // Когнитивные исследования языка. Проблемы репрезентации в языке. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. II. – С. 56–65.
10. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: підручник / М.П. Кочерган. – Київ : ВЦ “Академія”, 2010. – 464 с.
11. Кравченко А.В. Языковой семиозис и пре-

- делы человеческого познания / А.В.Кравченко // Когнитивные исследования языка. Типы знаний и проблема их классификации. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – Вып. III. – С. 37–45. 12. Красных В.В. Основы психолингвистики / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2012. – 333 с. 13. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с. 14. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре / В.А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с. 15. Никитина Е.С. Психосемиотика как методологический подход / Е.С. Никитина // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. – М.-Калуга : Эйдос, 2009. – С. 52–61. 16. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с. 17. Пименова М.В. Языковая картина мира / М.В. Пименова. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 106 с. 18. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И.В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с. 19. Рубинштейн С.Л. Эмоции / С.Л. Рубинштейн // Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2004. – С. 244–256. 20. Стейн С. Преимущества EQ: Эмоциональный интеллект и Ваши успехи / С. Стейн, Г. Бук. – Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2007. – 384 с. 21. Степанов Ю.С. Язык и метод / Ю.С. Степанов // К современной философии языка. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 115–117. 22. Степанов Ю.С. Семиотика: Антология. / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с. 23. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении / М.Ю. Урнов. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 240 с. 24. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М., Калуга : Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с. 25. Шамаева Ю.Ю. Концептуальная основа языка эмоций как знания матричного формата / Ю.Ю. Шамаева // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Серія “Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов”. – 2011. – № 954. – С. 107–114. 26. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Активные синергические нейронные сети, мышление и творчество, формальные модели поведения и “распознавания с пониманием” / А.Л. Шамис. – М. : КомКнига, 2006. – 336 с. 27. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с. 28. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010. – 128 с. 29. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2004. – 326 с. 30. Block Ch. Emotions and discourse / Ch. Block. // Text. – NY : Mouton de Greuyter, 2006. – Vol. 16, # 3. – P. 323–341. 31. Fontanille J. La sémiotique des passions a l’intersection des sciences humaines / J. Fontanille // La sémiotique contemporaine et les sciences humaines. – Moscou : Langues des cultures slaves – 2010. – P. 127–145. 32. Ross D. H sapiens as ecologically special : what does language contribute ? / D. Ross // Language sciences. – 2007. – # 29 (5). – P. 710–731.